

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА КОШКИНА

МОЯ СЛАДКАЯ ТАЙНА

Дарья Кошкина

Моя сладкая тайна

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кошкина Д. Д.

Моя сладкая тайна / Д. Д. Кошкина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

“Моя сладкая тайна” - вдохновляющая история о полном выздоровлении от мерзкой болезни. Действие происходит в двух никому не известных городках, и завершает историю уютный город Санкт-Петербург. Девушка трагично рассказывает историю своей болезни от первого лица. “Я не знаю, с чего точно началась моя болезнь, Может быть, с замечания родственников, что я много ем, Может быть, из-за незначительного оскорбления в школе, А может быть, всё началось с вечно худеющей мамы...” В этой книге также поднимается тема любви, ненависти и жизненных уроков, которые помогут вам не допустить депрессии и пищевого расстройства у ваших близких.

© Кошкина Д. Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Ночная боль.	6
Глава 2. Мама.	7
Глава 3. Бабушка.	10
Глава 4. Отец.	12
Глава 5. Мама, я на грани.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Кошкина

Моя сладкая тайна

Моя сладкая тайна

Предисловие

.

Прочитав эту книгу, ты не похудеешь к лету или, например, к праздникам, но ты похудеешь на всю жизнь. Просто прочувствуй всё то, что пережила я. Из любой болезни и ситуации есть выход, нужно только поверить.

Я очень долго думала, с чего же мне, всё-таки, начать и решила, а начну-ка я с правды.

Правда с самого знакомства – это всегда хорошо.

На самом деле, я всегда мечтала стать писателем – фантастом и у меня есть множество идей и набросков, но я никак не могу закончить хоть одну идею.

И вот, одним уютным весенним вечером, когда я, как обычно, рассказывала своему любимому человеку о своей жизни и тех испытаниях, что мне предоставила моя болезнь, мой человек сказал: *“Напиши об этом книгу. Думаю, она многим поможет”*.

И меня вдруг осенило, а ведь правда, можно оставить фантастику на полочке под названием **“будущее”** и написать драму, которая близка мне по натуре.

И я написала.

Глава 1. Ночная боль.

Однажды вечером, когда мне было 16 лет, мама уже ушла на работу в ночь, а мой (на тот момент) парень собирался уходить домой. У меня болел и урчал живот, а я не переставала умолять его остаться, ведь я очень сильно боялась ночевать одна. Проводив его и оставшись наедине с собой, я, как обычно, впала в панику. Пытаясь отвлечься от страха перед ночью, я вспомнила, что не ела уже два дня. Как раз в тот день мама приготовила мою любимую в то время картошку в бульоне, и я решила поесть. Я съела огромную тарелку и множество кусков хлеба. Так хотелось ещё и ещё, хотелось заполнить всю ту пустоту за дни голодовок, но я понимала, что нельзя и уже начала винить себя за это.

Я помню, как валялась в туалете, рыдала и пыталась вытошнить съеденное. У меня никак не получалось, уже начало болеть горло от двух пальцев, а я всё пыталась и рыдала ещё сильнее. В ту ночь у меня так и не вышло заболеть булимией.

Я умылась, оделась в теплую одежду и начала делать различные упражнения, крутить обруч и прыгать. Так как уже была ночь, и никто не ходил по подъезду, я подумала, что можно побегать с первого до последнего этажа по лестнице.

Закончив многочасовую тренировку, я доползла до душа, избавившись от слоёв тёплой одежды, ополоснулась и без сил погрузилась в крепкий сон.

Глава 2. Мама.

Я не знаю, с чего точно началась моя болезнь,
Может быть, с замечания родственников, что я много ем,
Может быть, из-за незначительного обзывательства в школе,
А может быть, всё началось с вечно худеющей мамы...

Моя мама работала по графику день-ночь-два выходных. Я любила, когда она работала в день, можно было ничего не есть, позвать друзей, которые за тебя съедят всю еду, и никто не заметит, что ты ничего не ел. Но я не любила, когда мама работала в ночь. Я безумно боялась оставаться дома одна ночью. Паника заставляла меня врасплох и не давала спокойно спать. Не сказать, что мне что-то мерещилось, напротив, меня скорее сильно угнетала тишина. Я включала свет во всех комнатах, телевизор на фон, и всю ночь сидела за компьютером, просматривая фильмы, срисовывая картинки с интернета, делала физические упражнения и сохраняла фото худых девушек в скрытую папку на компьютере под названием **“Новая я”**. Уснуть было не реально. Как только я ложилась, глаза становились стеклянными, как будто я смотрю через камеру или толстые стекла, всё казалось сомнительно не естественным и устрашающим. Порой, от этой паники я бежала в подъезд и пол ночи, с дрожащими руками, вся в слезах, писала своему парню и маме, как мне страшно. *“Что со мной не так? Заберите меня отсюда, умоляю!”* Но никто не приходил за мной. Парень был слишком послушный и не рисковал убежать ночью, чтобы не получить замечания от своей мамы. А моя мама думала, что я притворяюсь или справлюсь сама.

Хотя, однажды она всё-таки приехала за мной с работы и забрала. Мы ехали в машине с её подругой и напарницей, которая сказала мне, что бояться нечего, ведь дома дверь закрыта, никто не пройдёт. Я покраснела и начала винить себя за то, что я такая странная, но была рада, что меня забрали из этой тьмы.

Сейчас я понимаю, отчего это происходило, скорее всего, мне психологически не хватало внимания, и нельзя было такому впечатлительному ребёнку, как я, в раннем возрасте начинать смотреть ужастики и триллеры. Но моя мама, видимо, хотела вырастить меня по своему подобию. Она самый сильный человек, которого я когда-либо встречала, сильнее её может быть, разве что, моя бабушка – её мама, но о ней чуть позже. Моя мама никогда не плачет и меня воспитывала так, что плакать мне было нельзя, разве что тайно, в подушку, раз в тысячу лет, когда никто не видит. Бывало, когда она выпивала, я была ещё маленькой и плакала по тому или иному поводу, она начинала меня оскорблять, говорить, что я веду себя не подобающе, порой доходило даже до матерных слов в мою сторону. Значения их я, конечно же, не знала, но осознавала, что слова плохие и ощущала невыносимую боль.

Моя мама не боится ничего, ужастики и самые высокие аттракционы для неё – как глоток воды – совсем не страшно. Она всегда была смелой и везде шла первой.

Моя мама не умеет любить, может быть, когда то, когда её сердце ещё не было такое холодное по отношению к мужчинам, она и умела, но, когда я доросла до возраста, о котором у меня сохранились хоть какие-то воспоминания, она уже забыла, что такое любовь. В садике я говорила всем, что у меня пять или семь пап. Тогда я не знала, что такое папа и почему я не могу так называть всех маминых парней. И хоть я никогда и не спрашивала у мамы где папа, подсознательно он мне требовался. Сначала я привязывалась к многим её парням. Они приносили мне сладости и игрушки. Один даже принёс игровую приставку, но как только они расстались, у меня её тут же забрали. Больше такого чуда со мной не случилось. Последней каплей, наверное, был парень, которого я даже начала официально называть папой, и серьёзно думала, что он мой папа. Мне было лет 5, когда я возвращалась домой после лета у бабушки,

а мама встречала меня с каким-то приятным мужчиной. Он казался мне светлым и тёплым. Так и было, пока он плотно не пристрастился к бутылке, и в нашей квартире не полетели ножи. Кстати говоря, с тех пор я боюсь ножей, как моя тётя, но она из-за своего родного папы, который тоже любил выпить и поиграть в летающие ножи и расшатанную детскую психику. Этот парень был не плохой, замуж маму взял, свадьба была шикарная, и в милиции работал, и заботился о нас, но бутылка порой портит даже самых хороших парней. Они развелись, мама сделала аборт, о котором я узнала в пятнадцать, когда нашла в нашем шкафу детские вещи. Мама сказала мне, что это чьи-то чужие, но я знала, я чувствовала, я сострадала.

Моя мама худеет всю жизнь.

Да, она всегда была в теле, но в очень красивом теле. Её длинные, густые волосы и сочная фигура, в виде песочных часов, перекрывали все её мелкие недостатки и пару лишних килограмм.

Всё моё детство, примерно каждые полгода, моя мама садилась на диеты. Я смотрела, как она взбалтывает свои диетические коктейли для похудения, от разных фирм, которые обещают, что, выпив их, вы непременно похудеете. Я даже любила выпрашивать у мамы пару глотков чудо эликсира, ведь они были очень вкусные. Ни с чем не сравнить тот вкус, похожий на взбитый кофе или какао с каким-то кофейным кремом. Я была ещё маленькая и отпивала у мамы их только для вкуса, никаких мыслей о похудении у меня тогда возникнуть не могло. Я видела, как она глотала мнимые таблетки для похудения и крутила по вечерам обруч, по сорок минут, под серию сериала. Видела и запоминала. Видела, как она худеет на короткий срок, а потом снова полнеет, но этого я, почему-то, не запоминала.

В детстве один из наших родственников сказал однажды моей маме, что я много ем и это не правильно. Я услышала и запомнила это. Хотя, кушала я как обычный ребёнок, хорошо, не переедала, ела только тогда, когда захочется, разве что, порой не ела то, что не любила. Впрочем, почти как все дети. Была в здоровом теле, даже не пухленьким ребенком, а скорее наоборот, худощавой. Под глазами и на руках у меня сильно виднелись вены, кожа была бледная, тонкая. Я стояла на учёте в больнице с васкулитом и страдала малокровием. Не сказать, конечно, что я выглядела болезненно худой, скорее, как обычный северный ребёнок, которому просто с виду не хватает витаминов, от чего кожа казалась прозрачной, волосы очень редкими и на теле ярко выражались вены. Ещё у меня была увеличена грудная клетка, которая торчала так, будто у меня торчат рёбра, и я слишком худая. С возрастом всё выровнялось, хотя, в то время я уже успела покомплексовать по этому поводу.

Для девочки, у которой никогда не было проблем с парнями, я поздно лишилась девственности. Мне было больно от одной только мысли о сексе.

Как-то мне подарили на день рождения пижаму, такую, салатовую в белый горошек и с белыми рюшами, я полюбила её.

Когда бабушка переехала от нас на свою родину, у нас часто случались мамины попойки, и хоть она по сей день считает это нормой, я считаю, что сидеть два дня на кухне пьяным сборищем, орать, драться, ломать всё в нашей квартире и заваливаться пьяными к ребёнку в комнату – не совсем хорошо.

Я переоделась в свою любимую салатовую пижаму и легла спать. Проснулась я среди ночи от того, что кто-то рядом стонет. Моя мама была абсолютно голая, а на ней был такой же голый, уже мне тогда знакомый, дяденька, который с ней часто тусовался, они ёрзали, она кричала: *“ты что, тут же в кровати ребёнок”*, а он говорил: *“я тебе покажу, как я могу”* и они стонали, стонали, стонали...

Я делала вид, что сплю, а по щеке лилась горячая слеза.

Когда они закончили, он уснул прямо на ней. Они были настолько пьяные, что уснуть так было для них не сложно. Я тихонько села, осмотрелась, на полу спал ещё какой-то пьяный мужчина, я начала шептать: *“мамочка я спасу тебя от него, он больше так не будет”* и толкала

его изо всех сил. Спустя десять минут моих толканий, он грохнулся на пол, я укрыла маму, отвернулась к стене, обняла своего плюшевого медведя и крепко уснула в слезах.

На следующий день, когда все разошлись, а мама уже уснула в своей комнате, я достала свою любимую, салатовую в белый горошек, с рюшами, пижаму и начала её кромсать ножницами на мелкие кусочки. Я старалась всхлипывать как можно тише, чтобы не услышала мама. Потом я спрятала изрезанную пижаму, поплакала ещё немного и не заметила, как уснула.

Спустя какое-то время, мне стало немного легче, но ненавидеть этого дяденьку я не перестала даже тогда, когда он переехал к нам. Я писала маме своим детским, корявым почерком, с ошибками, тайные записки.

“Он очень плахой, тебе нужна бросить его”.

“Беги от него”.

“Он ужасный человек!”

Я кидала ей их в кошелёк и верила, что она не догадается, от кого это. Она ругала меня за то, что я его не люблю.

Отец моего туповатого, упитанного одноклассника дружил с этим моим отчимом, и мой одноклассник часто ошивался у нас, пока они пили на кухне. И вот, в один из этих случаев, я решила поделиться с ним этим ужасным, на мой взгляд, случаем. Я рассказывала и плакала. Дослушав, он сказал, что расскажет всем в школе, и надо мной будут смеяться. Тогда я очень сильно испугалась, умоляла его не рассказывать, но он качал головой. Он не рассказал никому, я по сей день не знаю, почему, но и не хочу знать.

До 17 лет я не знала, что такое секс. Родственники перекидывали друг на друга ответственность рассказать мне. А в интернете я всегда искала только невинную информацию, например, о мультиках или депрессии. Когда в семнадцать лет я увидела мельком на экране порно у своих озабоченных ровесников, мне стало противно, и я решила, что никогда не буду этим заниматься. Правда, я думаю, что и тогда я толком не поняла, что это такое, но уже хотя бы слышала этот, и к нему близкие по значению, термины среди друзей.

Моя мама всегда пугала меня гинекологом, будь она пьяная или трезвая, часто разговоры ни о чём сводились к фразе: “Смотри мне, отведу тебя к гинекологу, узнаю, что ты не девочка, убью”. До сих пор не понимаю, зачем ей вплоть до 18 лет нужна была моя девственность, но этими угрозами она меня действительно пугала. Несколько раз доходило до действия, она насильно тащила меня к гинекологу, меня смотрели, я напрягалась, мне было очень больно. От этих приёмов я отходила ещё неделю. Слезы, боль и вздутие в животе. Мне не хотелось ничего, кроме как сидеть на полу, обняв колени, и плакать.

У меня было много парней, и многие думали, что я ещё в четырнадцать лет потеряла свою невинность, но мне с парнями везло. Они были все нежны по отношению ко мне и никогда не настаивали, хоть и часто намекали, что уже пора.

Глава 3. Бабушка.

Первое моё воспоминание о бабушке было очень тёмное. Я была совсем маленькой, года три, но этот момент я запомнила. Мама что-то кричит, бабушка тоже кричит, но скорее не как человек, а как зверь, на шее у неё пояс от халата, и она его тянет. В детстве я не поняла, что это было, но было страшно и тревожно. Когда я выросла, я поняла, что бабушка пыталась удавиться. Со временем, для меня это стало нормой, но меня не перестаёт мучить мысль, что именно из-за этих её попыток самоубийства на моих глазах, я получилась такая нервная и склонная к суицидальным мыслям.

Бабушка у меня тоже сильная, она многое пережила. Например, мужа алкаша, который гонялся за ней с ножами и грозился убить её. Она осмелилась оставить свою маленькую дочку – сестру моей мамы и мою замечательную крёстную, со своей матерью, а сама убежала на другой конец земли, в маленький, закрытый, ещё только строившийся тогда, городок. Вышла там замуж, забрала дочку от своей матери и родила ещё одну – мою маму. Пережила измену мужа и воспитывала двоих детей самостоятельно. Она даже справилась с ранней смертью своей мамы и всю жизнь трудом выбивала для нас только самое хорошее – от самых вкусных яблок, до квартир и путёвок.

Когда-то бабушка уехала от нас обратно, туда, где жила до своего побега от мужа, и мама часто отправляла меня к ней на лето. Мне нравилось проводить с ней время, и, хоть она и не была бабушкой, которая любит баловать внучку вкусностями, она была бабушкой, которая любит баловать внучку здоровьем. Пока всех бабушки угощали пирогами, моя бабушка угощала меня натуральным и полезным козьим молоком. Как же я его ненавидела, меня тошнило от одной только мысли о нём. Когда она заставляла меня его пить, я вспоминала, как при нас доили козу, в носу возобновлялся этот противный запах и меня начинало тошнить. Предположение к моему веганству в восемнадцать лет? Не исключено. Бабушка учила меня, что ничего не даётся просто так, что всё нужно сперва заслужить. Например, она брала конфетки, показывала их мне и моим братьям, и говорила нам, что тот, кто первый уберёт налетевший мусор с огорода, тот и получит конфеты. Я победила, но не потому, что яро хотела конфеты, а потому, что была не такая ленивая, как мои братья.

Уже в раннем возрасте во мне начала просыпаться девочка – художник, и я начала вредничать в плане одежды, начала сочетать не сочетаемое и выбирать свой стиль. Бабушке это очень не нравилось. Ей было важно, что о нас подумают люди вокруг.

Однажды, мы собрались с ней в больницу, как обычно, обследовать меня. Меня обследовали постоянно, вечные иголки, медсёстры и анализы, просто *потому что*, а не потому, что я чем-то болела. На тот момент я болела только васкулитом, из-за которого, кстати говоря, мне тоже вечно обкалывали все пальцы и делали больно. Я до сих пор боюсь врачей, уколов и иголок, всё верю, что вот-вот стану старше и перестану, но годы идут, а дрожь перед больницей не прекращается. Так вот, собирались мы в больницу с вечера, она выбирала, что мы завтра наденем и выбрала мне какую-то наляпистую, ярко – красную кофту. Я, конечно же, возразила, с детства не люблю чересчур навязчивые блёстки. Следом было всё как в тумане, помню, как сначала она кричала, потом душила меня подушкой и, под конец, избила моим топиком с железными, острыми висюльками. Когда она напилась валерьянки и уснула, я стащила у неё телефон и попыталась написать маме сообщение:

“Мамочка, спаси меня, у меня ссадины, я боюсь с ней быть, заведи меня, умоляю”

Сообщение не отправилось, у неё не было денег на телефоне, а я была слишком мала, чтобы как-то это исправить. В больнице утром мы сказали врачу, что ссадины на моей спине от веток, врач похмурился, но особо не допрашивал. Когда я вернулась домой, я ничего не рассказала маме. И никому не рассказала. Мне казалось, что это стыдно. Но я ненавидела, когда

бабушка надевала чёрно-белую кофту, под окрас леопарда, ту самую, в которой впервые меня избила. Следующим летом я умоляла маму не отправлять меня к ней, но мама не слушала и отправила меня и мою подружку с третьего этажа, чтобы мне не было там скучно. Естественно, побои повторялись, она била меня, а подружка смотрела на это, она таскала меня за волосы и грозилась разбить мне голову об стену так, что мои мозги растекутся по стенке. Это выражение пугало меня больше всего. Моя подружка приносила ей валерьянку. Так и прошло последнее лето с бабушкой. Вернувшись, я рассказала всё маме, она особо меня не жалела, потому что не понимала, как это. Да, она часто дралась, но дралась по своей воле и злости, и получала от этого кайф. А меня избивала женщина, которую я любила, моя родная бабушка, которой нельзя дать сдачи. С годами об этом узнала моя крёстная. Так как она была старшенькой, она получала от бабушки и за себя, и за мою маму. Вот она то меня понимала, во всяком случае, она как-то спросила, почему я раньше не рассказывала об этом и немного пожалела меня, что не типично для неё, ведь она, порой, бывает холодна. И я выросла такая же.

Такие зверские случаи бабушкиных бешеных приступов можно перечислять бесконечно. Порой, за то, что я устала и не хотела сушить голову феном после мытья, она кричала на меня, потом начинала рычать как животное, говорить всякие ужасы о том, как убьёт меня и бить меня феном по голове. Так, как я боялась в те моменты, когда от неё убегала, я больше не боялась никогда. Забавная трещина на нашем телевизоре есть до сих пор – это от стеклянного стакана, который она кинула мне в голову, а он чудом пролетел мимо.

Я люблю свою бабушку и давным-давно простила ей всё, потому что, как мы видим, всё дурное, что делает человек – это, всего лишь, отголоски прошлого, это то, как раньше обращались с этим человеком, а он возьми да запомни. Но важно помнить, что всё идёт с детства, детская психика очень нежная и хрупкая, что мы растим наше будущее. Оступишь раз, и тыпустишь в будущее человека, который будет делать нехорошие поступки и причинять окружающим боль.

Глава 4. Отец.

Ей девятнадцать лет, она слушает металл, любит драться и свой мотоцикл.

Ему восемнадцать, он наркоман, он любит её, а ещё любит потрахивать взрослую тётеньку на стороне и проделывать разные тёмные делишки со своими друзьями.

Тогда они ещё не были моими мамой и каким-то периодически являющимся дяденькой.

Его взрослая тётенька работала официанткой в баре, куда он часто приходил с моей мамой и их друзьями. Она обслуживала их и улыбалась.

Однажды, моя мама решила внезапно зайти к нему в гости. Дверь, как и у всех в этом маленьком городе, была не заперта. Зайдя в квартиру, она прошла в комнату и увидела эту отвратительную картину. Сорокадвухлетняя женщина скакала на восемнадцатилетнем парне. Её парне. Что ж, сказать, что она была сильной, ничего не сказать, ведь она не стала переживать по этому поводу, она же не какая-то смазливая девчонка, она просто прошла на кухню, подождала пока он оденется и выйдет к ней. Дождавшись, она закурила сигарету и спросила: *“Блин, у тебя есть чо пожрать?”*

Кстати, за месяц до этого смешного происшествия, которое рано или поздно случилось бы, моей маме сказали в больнице, что детей у неё не может быть. На что бабушка дала наставление: *“Пошли вы, уроды! Доченька, вы, когда занимаетесь этим, не предохраняйтесь, вдруг чудо”*. И чудо случилось, я же тут.

Так вот, вернёмся к происшествию, пожрать у него, конечно, не было, но она нашла пустую банку пива, выпила, чмокнула его в щёку и ушла.

Через пару недель после этого её начало тошнить, но не от пива, а от наличия внутри меня. Об аборте не могло быть и речи, как же она могла убить чудо?

Да, буквально пару лет назад она была в бегах и жила целый год в другом городе, потому что её должны были посадить. Да, её невозможно было разбудить раньше трёх часов дня. Да, она много курила и знала, что папа этого ребёнка – козёл, но знаете что, до моих десяти лет она была самой чуткой, самой заботливой и самой нежной мамой, несмотря ни на что.

Казалось бы, всё ясно, он козёл, она родит и будет еле тянуть малыша, но зато не останется бесплодной. Но конец этой истории ещё даже не виднеется.

На улице глубокая ночь. Он на днях очень крупно влип. Его должны закрыть на одиннадцать лет. Она не находит себе места дома, волнуется о происходящем.

Он бредёт по нашему маленькому ночному городишке в сторону её дома. Подходит к её подъезду, осматривает крышу, они так часто на ней зависали.

Она всё пытается отвлечься от разных мыслей, но никак не выходит.

Он стучит в дверь.

Она тихо пробирается к двери через мамину комнату, обувает подъездные тапочки и выходит.

– Меня посадят на одиннадцать лет.

– Я беременна.

Долгое молчание. У обоих ошарашенные глаза.

Уже через неделю они сбежали из города. Я родилась в Подмосковье.

Они прятались в маленьком доме, который построил его отец. Мой дедушка, забавный человек, много матерится и курит. В пятнадцать лет я пыталась под него косить. А потом узнала, что он всю жизнь бил мою бабушку и моего папу, когда тот пытался вступить за неё, и перестала. А что, если папа такой плохой и не любит меня, только потому что дедушка обижал его в детстве, а что, если дедушка такой потому что его тоже били в детстве, как же всё связано, как же мы все связаны. Я умоляю вас, не создавайте цепочек домашнего насилия,

это так страшно, это оставляет такие болезненные шрамы, и как правило, не только на теле, но и в памяти.

Мама, беременная, таскала воду с колонки, а он часто снимал видео на камеру. Камеры, вроде бы, тогда только начали появляться. Когда я родилась, он не переставал снимать, а мама гуляла с коляской в метро – там я лучше спала.

Возможно, тогда он меня даже любил или просто осознавал, что тут явно лучше, чем в тюрьме. Когда мне было три месяца, его посадили. Мама не могла остаться одна с маленькой мной и кучей обязанностей, которые ложатся на людей, живущих не в квартире, а в своём доме, и мы переехали обратно в наш славный маленький городок. Бабушка очень помогала маме растить меня и обеспечивать. Так как я была очень болезненным ребёнком, а у нас в городе было не много врачей, мы ещё часто появлялись в Москве.

Мне восемь лет, вечерний чай, музыка в телевизоре. Моя мама рассказала мне, что у меня есть папа, и я могу поговорить с ним по телефону. Он говорил, что когда-нибудь приедет, что он любит меня и никогда не бросит. Сначала мама сказала, что он просто где-то далеко работает, но я могу писать ему письма. И я писала, выводила каждую букву, а мама отправляла. Со временем, он проболтался, что это не работа, а тюрьма, но меня, почему-то, это ни капли не смутило, а только рассмешило. У него был очень красивый почерк. Дедушка заставлял его списывать сотни тетрадок, пока не получится красиво, параллельно давая ему подзатыльники за слёзы. Так же, он всегда вкладывал какой-нибудь красивый рисунок. Я думала, это магия, ведь таких волшебных, красивых и манящих рисунков я не видела никогда. Это могли быть рисунки карандашом или цветными ручкам, к примеру, моим самым любимым был рисунок кошки в колпаке волшебника, в струящемся блёстками платье и с волшебной палочкой в лапке. Он прислал мне его на моё десятилетие. Я чувствовала, что в одиннадцать лет со мной случится чудо. В свой день рождения я ждала папу. Был уже вечер, когда за окном, как обычно в мой день рождения, шел первый снег. Он всегда появлялся у нас в городе осенью. Мама сказала, что я должна спуститься на улицу и кое-что забрать. Мне вручили огромный букет цветов. Дяденька, вручивший его, сказал мне, что папа пока что не смог приехать, но он помог поскорее ему выйти, чтобы тот передал мне эти чудесные цветы. Я очень крепко обняла этого дяденьку и побежала домой. До сих пор я уверена, что это мама заказала мне те цветы, чтобы я не расстраивалась, ведь они обещали, что, когда мне будет 11, он будет с нами. Почему-то, моя мама до последнего пыталась убедить меня, что мой папа не полный мудака. Какая же она потрясающе странная женщина.

Он приехал через пару месяцев после моего дня рождения. Они пили, гуляли, он обнимал мои ноги и просил прощения, обещал, что больше никогда не бросит, а глаза его так светились, будто бы они способны радоваться всему на свете.

Каким-то будничным утром я проснулась, а мамина комната была закрыта, я прошла на кухню, мама сказала не заходить к ней в комнату, но тут же оттуда выбежала какая-то рыжая, бледная девушка. Со временем я узнала, что мама приютила у нас папу с его девушкой-наркоманкой, у которой позже нашли СПИД, и мы с мамой ходили сдавать какие-то анализы. Папу вновь за что-то посадили.

Вышел он, когда мне было четырнадцать лет. Ругался, что я редко писала ему. Я пыталась объяснить, что у меня теперь много забот, парни, школа стала сложнее, интересы более занимательные и вообще, надо бы сделать очередной пирсинг, а он тут с письмами пристал. На самом деле, мне просто было обидно, что он не сдержал обещание и снова бросил меня, поэтому теперь я писала ему крайне редко. Тут то всё и началось. Он ненавидел моего патлатого парня, а я ненавидела его очередную рыжую шлюху. Но господи, как же я любила свою маленькую сестрёнку, хоть она и не была мне родная. Я приходила к папе в гости, он валялся пьяный или работал на своей, как обычно не легальной, работе и вообще уже чуть ли не прямым текстом говорил, что ненавидит меня, потому что мама иногда просит у него помощи,

например, на новые книги мне в школу или новую куртку, так как старую я носила уже два года, а её нам отдали соседи, уже с дырками. Но я и не ради него приходила, я приходила к ней. Она была как ангел. Её улыбка – это ярко выраженные ямочки на щеках. Её звали Ева и ей безумно шло это имя. Я подрабатывала вожатой в детском лагере, на весенних каникулах, с детишками и брала её к себе в отряд, она хвалилась всем детям, что я её сестра, а я хвалилась всем коллегам, что этот ангел – моя маленькая сестрёнка. Когда я была у папы на свадьбе, я не подходила к нему, даже на секунду, меня волновала она, мой маленький ангелок. Я любила поднимать её и долго кружить. Она представляла, что летает.

В один момент на меня навалилось много дел, и я совсем не успевала зайти к ней. Встретила её на улице, перед отъездом в отпуск, она умоляла зайти в гости, но я так и не успела.

Этим летом я решила впервые отказаться от соц. сетей и телефона в целом, чтобы медитировать, наслаждаться летом, морским ветром и горячим асфальтом, по которому, наконец-то, можно было ходить босиком. В середине лета мне вдруг стало больно в груди. Как будто маленький кусочек сердца вдруг надломился и провалился сквозь землю.

Мама осталась в отпуске ещё на месяц, и меня впервые ждала самостоятельная жизнь, вроде бы мне было пятнадцать. Меня встретил папа на машине, глаза его были ярко-бордовые и заплаканные. Мы ехали, я рассказывала о лете, как вдруг он остановил машину и резко вышел. Я услышала стук по капоту, как будто бы кто-то ударил кулаком. Через пару минут папа подошел к машине и позвал меня. Я вышла. Начался разговор.

-Ты знаешь, твоя мама не хотела говорить тебе, чтобы не испортить тебе лето, я подумал, что это дурацкая идея, но не мог тебе позвонить... И, в общем...

-Пап, заткнись, я всё знаю! Да, я жила всё лето без телефона, да, мне не говорила мама, но я это почувствовала, только до этого момента надеялась, что это не правда и не признавалась даже самой себе. Я её чувствовала, понимаешь? У нас с ней была связь.

Он удивился, и слёзы потекли по его щекам. Остальную часть пути мы ехали молча и в тишине, только и было слышно моё шмыганье.

В этот же день мы с папой поехали на парад в честь Евы. Так как её сбила машина, все машины, в том числе полицейские, ехали по городскому маршруту, обклеенные плакатами, на которых было написано что-то вроде: **“Смотри на дорогу, там могут быть дети! Не гони, не заметишь, как жизнь заберёшь”** и прочие слоганы. Также, я раздавала листовки с этими слоганами, а папин друг закапывал мне глаза, потому что те уже горели и сверкали ярко-красным пламенем от долгих слёз. Ева, я никогда тебя не забуду. Ты была и есть самый чудесный ангел на свете.

Папу я больше не видела. Слышала, что он словил белочку от наркотиков и лежит в психбольнице. А ещё, что его снова посадили, и что у меня родился братик, ну и моё любимое, о том, что в то время, когда мы с мамой голодали, он дарил своим бабам дорогие шубы.

Знаешь, папа, я так и не поняла, кто ты, и есть ли ты вообще на самом деле, но я очень надеюсь и, кажется, даже верю в это что-то, что мне рассказывала мама про тебя, про то, как ты снимешь с себя последнее, лишь бы другие не мёрзли – правда, хоть ты и снова бросил меня.

Глава 5. Мама, я на грани.

В одиннадцатом классе все девочки резко начинают худеть, ведь нужно влезть в красивое, дорогое платье на выпускной, которое ты наденешь всего один раз, а дальше оно будет пылиться в шкафу и напоминать тебе о той самой, заветной цифре на весах, до которой ты дошла, голодая и тренируясь перед выпускным. Так себе перспектива. Но мало кому под силу переубедить семнадцатилетних девчонок.

Меня огромная трата денег на обычное платье обошла стороной. Я очень сильно переживала, что я буду выглядеть в платье как колобок, но выхода у меня не было. За четыре месяца до выпускного я умудрилась сломать ногу и слечь в больницу, с гипсом на три месяца. Гипс был во всю ногу, только не от стопы, а от лодыжки. Ходила я крайне трудно с этой тяжелой бандурой, от чего я почти не вставала с кровати все эти месяцы. Мне приносили различные вкусняшки, хоть я и не просила, но им всем почему-то приспичило с помощью еды поднимать мне настроение. Все думали, что я переживаю за выпускной, но мне было глубоко всё равно на него, но разве докажешь это кому-нибудь. Один друг принёс мне двадцать пачек моего любимого кокосового печенья. Я была в шоке, и с тех пор прозвала его печенькой. Другой друг принёс мне пачку кофейных сигарет, я тайно курила их в туалете, когда все медсёстры были заняты, но на следующий день моя мама нашла их и забрала. Всё это было, конечно, приятно, но я очень на них ругалась и плакала, потому что знала, что от каждого съеденного кусочка и вечного лежания я растолстею до неузнаваемости. В своих мыслях я уже рисовала эту страшную картину, где на фоне похорошевших, исхудавших одноклассниц в очаровательных платьях, буду стоять я, толстая, лохматая и еле дышащая, от долгого запихивания себя в платье. Как же я ошибалась, если бы уже тогда я понимала, что к чему, то я бы расцеловала их всех и каждого и благодарила судьбу за то, что обо мне так заботятся. Жаль, что в тот момент меня больше волновала фигура, и, на самом деле, я просто не умела слушать свой организм.

Есть, плакать, плакать и есть – в то время это было как смысл жизни. Но мне очень повезло с друзьями, они воровали меня из больницы в кино, прямо в тапочках, потому что обувь на меня не налезала из-за гипса. Это было очень круто, я садилась на одно место, а ногу с гипсом и здоровую ногу складывала на соседнее сидение, получается, я как будто лёжа смотрела кино в кинотеатре, и никто не мог меня поругать, ведь всем было меня жалко.

Собравшись с силами, я решила сшить платье на выпускной себе сама, так дешевле и можно осуществить именно то, что хочется. С шитьём у меня были связаны негативные эмоции, из-за того, что жили мы не богато, я всегда донашивала вещи, которые нам отдавали соседи или знакомые, они, конечно же, были мне не по размеру и я ушивала и перешивала их. Так как это началось ещё в младших классах, когда я ещё не очень хорошо шила и где-то порой было видно нитки, надо мной смеялись одноклассники и дразнили бомжом. Они также смеялись над моими вечно рванными джинсами, и я начала часто прогуливать школу.

Но платье на выпускной вышло у меня потрясающее, у него был лишь один минус, на мой взгляд – это то, что его надела такая жирная корова.

Пошив платья оказался не сложно работой, а вот доказать всем, что не поступать в вуз сразу после школы – это нормально – намного сложнее, чем я себе представляла. Все подряд говорили, что я бездарь, а я просто понимала, что ещё не нашла себя и не готова выбирать профессию. Путешествия, ночные прогулки, пиратские сокровища – вот, что, я считала, мне действительно нужно, но преподаватели, семья и вообще почти все не переставали на меня давить университетом. На этой почве и на той, что я жутко растолстела в больнице, а садиться на диеты у меня не получается, ибо мама и бабушка не переставали меня откармливать, будто от еды у меня не то, чтобы нога восстановится, так ещё и отрасли запасная, у меня началась очень сильная депрессия, каждый день я еле сдерживала себя от самоубийства и разбила об

стену все кулаки. В один солнечный день я пришла домой со школы, плюхнулась на кровать и начала рыдать. Через пол часа захлёбываний в своих слезах, я сказала маме, что мне страшно от мыслей о самоубийстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.